

pocket**book**

rocket**book**

Элис ХОФФМАН

Практическая магия

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X85

Alice Hoffman

PRACTICAL MAGIC

Copyright © 1995 by Alice Hoffman

Перевод с английского *Марии Кан*

Оформление *С. Костецкого*

В оформлении обложки использован кадр из фильма
«Практическая магия» («Practical Magic», 1998 год):
Mary Evans / DIOMEDIA

Хоффман, Элис.

X85 Практическая магия : роман / Элис Хоффман ;
[перевод с английского М. Кан]. — Москва : Эксмо,
2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-114073-1

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Может, причиной тому был их странный дом-особняк: с пыльной мебелью, скрипучими лестницами, племенем черных котов и летучими мышами на крыше? Или же — неординарные способности, которые открываются на тринадцатый день рождения у каждой женщины их рода? Поговаривают, что Оуэнсы практикуют любовную магию, а в их холодильнике можно найти приворотное зелье, ингредиенты которого они выращивают в своем саду. Ведьмы по соседству — вот о чем шепчутся окружающие. В наше время на коврах их уже не жгут, но и без этого им живется несладко. Особенно когда кто-то из них влюбляется.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М.Кан, перевод на русский язык. Наследники, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-114073-1

*Посвящается Либби Ходжес
и Карол де Найт*

Средства от любой из бед
Есть на свете или нет.
Если есть — ищи, не стой;
Если нет — махни рукой.

Из «матушки гусыни»

Суеверие

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Весна ли выдастся дождливая, соски ли закровят у коровы прямо в подойник, падет ли жеребенок от колик или ребеночек родится с багровой отметиной на щеке — все думали, что хоть каким-то боком в этом замешаны женщины с улицы Магнолий. Не важно, какова была напасть — молния, саранча или гиблый омут в реке. Не важно, что ей могло быть объяснение — логическое, научное, или попросту не повезло человеку. Чуть что пойдет не так, не заладится — и люди уже тычут пальцем, указывая на виноватых. А там недолго было внушить себе, что с наступлением темноты проходить мимо дома Оуэнсов небезопасно, и только самые неразумные из соседей осмеливались заглянуть за кованую ограду, черной змеей обвивающую двор.

В доме не было ни часов, ни зеркал, зато висело по три замка на каждой двери. Под половицами и в стенах жили мыши, нередко обнаруживаясь в ящиках комода, где они грызли вышитые скатерти и кружевные оторочки полотняных салфеток.

На подоконные лавки и каминные доски пошло дерево пятнадцати различных пород, в том числе светлый дуб, и серебристый ясень, и особая душистая вишня, от которой даже глухой зимой, когда деревья за окном торчат голыми черными палками, исходил дух спелых ягод. Сколько бы ни накопилось в доме пыли, к дереву она не приставала. Приглядишься — и поймаешь свое отражение прямо в деревянной панели или в перилах, за которые держишься, взбегая по лестнице. Во всех комнатах было сумрачно, даже в полдень, и прохладно, когда снаружи держался июльский зной. Коли отважишься ступить на крыльцо, сплошь завитое буйным плющом, ничегошеньки не увидишь в окно, хоть все глаза прогляди. То же самое — если смотреть на улицу изнутри: зеленоватые от старости стекла были такой толщины, что все по ту сторону, включая небо и деревья, виделось словно бы во сне.

Девочки, жившие на чердаке, были сестрами, с разницей в возрасте всего лишь в тринадцать месяцев. Никто и никогда не отправлял их спать раньше полуночи и не напоминал, что надо почистить зубы. Никого не волновало, если они ходили в неглаженных платьях или плевались на улице. Все время, пока эти девочки росли, им позволяли ложиться в кровать, не снимая обуви, и рисовать углем на стенках спальни смешные рожицы. Им разрешалось, если уж так приспичило, пить за завтраком холодный лимонад, а вместо

обеда наедаться зефиром. Разрешалось залезть на крышу, усесться там, оседлав шиферный гребень, и, запрокинувшись как можно дальше назад, высматривать появление на небе первой звезды. Мартовские ветреные ночи, сырые августовские вечера просиживали они там, шушукаясь, гадая, верить ли, что хотя бы малюсенькое загаданное желание иногда и вправду сбывается.

Воспитывались девочки у теток, которые, возможно, и рады были бы, да не могли не приютить их у себя. В конце концов дети остались сиротами, когда их беспечные родители, поглощенные любовью, не учуяли, как пошел дым от стен лесного домика, куда они сбежали проводить второй медовый месяц, бросив детей на приходящую няню. Неудивительно, что во время грозы сестры всегда спали в одной постели; обе ужасно боялись грома и при первых же его раскатах переходили на испуганный шепот. Когда наконец они все-таки засыпали, крепко обнявшись, им часто снились одни и те же сны. Бывали случаи, когда одна могла договорить фразу, начатую другой, и, уж конечно, каждая могла с закрытыми глазами угадать, что нынче хочется другой на сладкое.

А между тем по внешности и по характеру сестры были, несмотря на свою близость, совершенно разные. Кроме красивых серых глаз, которыми славились женщины Оуэнсов, ничто не указывало, что они состоят в родстве. Джиллиан была светленькая и белокурая, Салли же смолью

волос не уступала черным, дурно воспитанным кошкам, которым не возбранялось шнырять по всему саду и цеплять когтями шторы в гостиной. Джиллиан была лентяйка и любила поспать до полудня. Она копила карманные деньги и нанимала Салли делать за нее уроки по математике и гладить ее выходные платья. Пила бутылками шоколадную шипучку и, растянувшись на прохладном полу в полуподвале, преспокойно сосала вязкие батончики «Хершис», наблюдая, как Салли вытирает пыль с металлических стеллажей, на которых у тетюшек хранились домашние варенья да соленья. Больше всего на свете Джиллиан обожала валяться на бархатном подоконном диванчике под узорными портьерами, на лестничной площадке, где пылился в углу портрет Марии Оуэнс, которая и построила давным-давно этот самый дом. Здесь можно было летом застать ее в дневное время в такой истоме и неге, что моль, приняв ее за диванную подушку, садилась и проедала дырочки в ее футболке и джинсах.

Салли, старше сестры на триста девяносто семь дней, в той же мере отличалась добросовестностью, в какой Джиллиан — праздностью. Она отказывалась верить в то, чего нельзя доказать с помощью фактов. Когда Джиллиан показывала на падающую звезду, Салли не забывала отметить, что это всего-то-навсего летит на землю камень, раскаленный от своего движения сквозь толщу атмосферы. Салли была с самого дня рождения

человеком ответственным, ей претили беспорядок и неустройство быта, какие наблюдались от чердака и до подвала в старом доме у тетушек на улице Магнолий. Это Салли, с тех пор как перешла в третий класс, а Джиллиан — во второй, принялась стряпать диетические обеды — мясной рулет, свежую стручковую фасоль, перловый суп, — следуя рецептам из книги «Кулинарные утехы», которую тайком от всех завела в доме. Каждое утро она собирала два школьных завтрака: бутерброд с индюшкой и помидорами, морковные палочки, овсяное печенье — и все это Джиллиан, едва только Салли приводила ее в класс, немедленно выбрасывала в мусорный бакчок, предпочитая сэндвичи с говядиной и сыром и шоколадные пирожные, которые продавались в кафетерии, а гривенники и четвертаки на покупку того, что ей по вкусу, не гнушалась таскать из карманов теткиных пальто.

«Заря» и «Ночка» — называли их тетушки, и, хотя девочки не смеялись этой невинной шутке, не находя в ней ничего забавного, обе они признавали, что она справедлива, и раньше, чем это бывает у других сестер, усвоили истину: луна всегда завидует дневной жаре, а солнце вечно тоскует по тому, что скрыто в темноте. Обе умели хранить секреты друг друга, клялись, что разрази их гром, если проговорятся, даже когда вся тайна состояла в том, что кто-то дернул кошку за хвост или нарвал без разрешения в саду букетик наперстянки.

Сестры могли бы враждовать из-за непохожести характеров, могли озлобиться и стать чужими, будь у них возможность подружиться с кем-либо еще, однако другие дети в городе их чурались. Никто из мальчиков и девочек не осмеливался с ними поиграть, а очень многие при приближении Салли и Джиллиан торопились скрестить средний палец с указательным, как будто это могло послужить им защитой. Самые дерзкие и отчаянные мальчишки пристраивались к сестрам по дороге в школу и шагали позади, немного приотстав, чтобы чуть что успеть пуститься наутек. Еще они любили кидаться в девочек зимними твердыми яблоками и камешками, но даже самым ловким, слывающим звездами в своей спортивной команде, не удавалось хоть разок попасть в цель. Камни и яблоки неизменно падали у ног сестер Оуэнс.

Каждый день был полон для Салли с Джиллиан мелких унижений. Никто в классе не брал в руки карандаш или цветной мелок, если им перед этим пользовалась та или другая из сестер. Никто не садился рядом с ними в кафетерии или на школьных собраниях, а были девочки, которые просто визжали как резаные, когда, забежав в уборную сходить по-маленькому, посекретничать с подружками или причесаться, вдруг обнаруживали там одну из них. Салли и Джиллиан никогда не выбирали для участия в спортивных играх на уроках физкультуры, хотя никто в городе не бегал быстрее Джиллиан и не умел так отбить бейсбольный мяч,

чтобы он перелетел через школьное здание и приземлился на соседней улице Эндикотт. Их не приглашали на вечеринки и на слеты девочек-скаутов, не звали поиграть в классики или влезть на дерево.

— Плевать на них, — говорила Джиллиан, заносчиво задирая точеный носик, когда они с Салли под волчьим завыванием мальчишек шли по школьному коридору на урок музыки или рисования. — Пускай пакостят. Погоди, вот увидишь, придет время, сами будут набиваться к нам в гости, и тогда настанет наша очередь куражиться.

Случалось, что доведенная до белого каления Джиллиан внезапно оборачивалась, гаркая: «Бу-у!» — после чего кто-нибудь из ребят обязательно мочил штаны, переживая куда большее унижение, чем те, что выпадали ей. Но у Салли давать отпор не хватало духу. Она одевалась во все темное и старалась оставаться неприметной. Прикидывалась туповатой и никогда не тянула руку на уроках. Скрывала свои истинные качества так успешно, что понемногу сама разочаровалась в собственных способностях. Сделалась тихонькой, словно мышка. Если и открывала рот на уроке, то лишь затем, чтобы пропихнуть неправильный ответ, а со временем взяла себе за правило садиться в самый задний ряд и вообще не подавать голоса в классе.

И все равно от нее не отставали. В четвертом классе к ней в школьный шкафчик поставили открытый террариум с муравьями, и не одну неделю потом Салли натыкалась на раздавленных муравь-